

ДОМИНАНТНЫЕ МОДЕЛИ АНТРОПНОЙ  
ИДЕНТИЧНОСТИ В ЛИРИКЕ СИМВОЛИСТОВ  
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

*В статье отмечены особенности концептуализации человека в лирике символистов Серебряного века: выделены доминантные модели антропной идентичности, в которых обращено внимание на образное выражение концептов «Сверхчеловек» и «Богочеловек».*

*Ключевые слова: концептуализация человека, лирика символистов, модели антропной идентичности, «Сверхчеловек», «Богочеловек».*

*В статті відзначені особливості концептуалізації людини в ліриці символістів Срібного віку: виділені домінантні моделі антропної ідентичності, в яких звернуто увагу на образне вираження концептів «Надлюдина» та «Боголюдина».*

*Ключові слова: концептуалізація людини, лірика символістів, моделі антропної ідентичності, «Надлюдина» та «Боголюдина».*

*The article draws attention to the peculiarities of conceptualization of man in lyrics of the symbolists of the Silver Age: the dominant models of the anthropic identity were analyzed, focussing on the figurative expression of the concepts «Übermensch» and «God-man».*

*Key words: conceptualization of man, lyrics of the symbolists, models of anthropic identity, «Übermensch» and «God man».*

Концепт «человек» является базисным в литературной антропологии символистов. Его экспликация охватывает уровни текстообразования, на основании чего в литературоведении уже сделаны определенные заключения об авторских концепциях человека, о концепции личности в творчестве символистов, субъектно-образной сфере их произведений и др.

Концептуализация человека в лирике символистов Серебряного века показательна *моделями антропной идентичности*. В статье сосредоточим внимание на доминантных *моделях*.

Переходность культурой ситуации Серебряного века стала определяющим фактором *кризиса личностной идентичности человека*. В этот период «существование всех форм культуры характеризовалось трансгрессивной множественностью и ге-

терогенностью» [14]. Такие переходные эпохи знаменуются *ментальным кризисом* и выходом на новые горизонты концептуализации человека и новые модели антропной идентичности.

Старших поэтов-символистов декадансного менталитета отличала сосредоточенность на «*святости своей души*» и интерес к типу «*уединенной, обособленной личности*», открытому романтиками. Но структуры авторских моделей антропной идентичности в их лирике определялись не только общим антропологическим вектором направления, но и авторскими интенциями: религиозными, гендерными и «*подлинно индивидуалистскими*» — в лирике З. Гиппиус; имморалистскими и культурологическими — в лирике В. Брюсова и К. Бальмонта; индивидуалистскими, эсхатологическими и иронично-трагическими — в лирике Ф. Сологуба. Каждая антропная модель символистов характеризуется *признаками трансгрессии*.

Примером модели антропной идентичности лирики З. Гиппиус, отвечающей менталитету декадансного сознания с признаками трансгрессии души, может стать стихотворение «В гостиной». В нем моделируется образ «мертвых людей»:

*Серая комната. Речи неспешные,  
Даже не страшные, даже не грешные,  
Не умилённые, не оскорблённые,  
Мёртвые люди, собой утомлённые...  
Я им подражаю. Никого не люблю.  
Ничего не знаю. Я тихо сплю (1901) [7, с. 111].*

Акцент сделан на бездействии, отчужденности, безразличии «собой утомленных» людей. Мотив *смерти души* символически выражает утрату не только личностной, но и человеческой идентичности. Коммуникативно-психологические характеристики и состояния посетителей гостиной согласуются с пространственной конкретизацией лирического «Я» — *серой комнатой* как символом *серой жизни*. Показательна позиция лирического «Я», «подражающего им» и идентифицирующего себя с теми, кто «тихо спит».

К проблеме *смерти души* современного человека, символическим выражением которой стал образ «*живого мертвеца*», мотив «*пляски смерти*», обращались и младосимволисты, разрабатывая авторские модели антропной трансгрессии. Одна из

них представлена А. Блоком в цикле «Пляски смерти» [3, т. 2]. В цикле «На поле Куликовом» им развернута метафора сердца и души лирического героя как «поля битвы»: «Не может сердце жить покоем» [3, т. 2]. Трансгрессивный образ лирического «Я», идентифицируемого через субъектные отношения, включая и его двойников, определялся *психологическим, историческим, мистическим, культурологическим и другими* модусами авторского сознания. Особенности семантики образной системы этого цикла подробно рассмотрены в работах С. П. Ильева [8].

В контексте новой эпистемологии конца XIX — начала XX в. как *нового поля знания* формировались антропологическая проблематика и понятийный лексикон многих произведений символистов. Их антропологические стратегии не характеризовались одновекторностью: констатируем тенденцию к разработке широкого спектра авторских моделей антропной идентичности. Ряд таких моделей был продиктован самосознанием художника-теурга, статус которого не ограничивался внутритекстовой деятельностью. Именно символисты начали разработку антропологического концептуально-поэтикального ресурса текстообразования, прагматические стратегии которого были направлены на преобразование мира и человека. Поэтому аксиологически значимыми для них стали антропологические дискурсы, в которых намечались пути *преодоления человеком кризиса личностной идентичности в переходной культурной ситуации*.

В этом плане актуальным для них оказался популярный в культурном сознании конца XIX — начала XX вв. *ницшеанский дискурс*. Он мотивировал интерес европейских и русских писателей к формированию антропных моделей, символическим выражением которых стал образ-концепт «*Сверхчеловека*» как *трансгрессии Божественной сущности*. Поведенческая линия героя, соответствующего ницшеанской концепции этого образа, определялась доктринами «дионисизма», принципами имморализма др. В авторских вариантах данной модели фронт рефлексии модернистов обращен к телесно-природным, интуитивно-бессознательным, креативно-творческим, действенным формам идентичности. Одну из поведенческих моделей такой ориентации выразил лирический герой К. Бальмонта:

*Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,  
Из сочных гроздий венки свивать.  
Хочу упиться роскошным телом,  
Хочу одежды с тебя сорвать! [1, с. 104].*

В ницшеанском дискурсе было сформировано широкое поле идей и образов, адаптированных символистами к авторским концептуальным и поэтикальным решениям. В стихотворениях В. Брюсова «К счастливым» (1905) и «Хвала Человеку» (1906) модель идентичности «свободного» человека-преобразователя показательна космогоническими хронотопами:

*Свершатся сроки: загорится век,  
Чей луч блестит на быстрине столетий,  
И твердо станет вольный человек  
Пред ликом неба на своей планете [5].*

Образ героя, идентифицирующего себя с типом избранного (по модели Сверхчеловека), раскрыт и в лирике З. Гиппиус (например, в стихотворении «К пруду» и др.).

С ницшеанской аксиологией согласуется рефлексия лирического героя в стихотворении А. Блока 1906 года:

*Есть лучше и хуже меня,  
И много людей и богов,  
И в каждом — метанье огня,  
И в каждом — печаль облаков.  
<...>  
Да буду я — царь над собой,  
Со мною — да будет мой гнев,  
Чтоб видеть над бездной глухой  
Черты ослепительных дев!  
  
Я сам свою жизнь сотворю,  
И сам свою жизнь погублю.  
Я буду смотреть на Зарю  
Лишь с теми, кого полюблю [3, с. 77–78].*

Индивидуалистская модель самоидентификации героя данного стихотворения не стала доминирующей в персонажной системе произведений А. Блока. Но ее спонтанная актуальность в творчестве обусловлена особенностями сложного (антиномичного) психотипа поэта, что проявлялось и в динамике субъектных форм самоидентификации авторского сознания.

Закономерно, что, романтик по менталитету, А. Блок уже на раннем этапе творчества проявлял большой интерес к наследию Ницше и Вагнера. Еще в 1901 году А. Блоком написано стихотворение «Все бытие и сущее согласно...», в рукописном автографе которого, по свидетельству Е. Е. Чугуновой, есть помета «Ницшеанское» [15, с. 169]. Но модель активной и даже «героической» личности, концептуально соответствующая художественной антропологии Ницше и Вагнера, в творчестве поэта системно оформилась только в период «антитезы». По мысли Е. Е. Чугуновой, именно творчество Вагнера определило блоковский интерес к категориям «стихийности» и «музыкальности» [15, с. 172]. В. М. Паперный же в специальном исследовании «Блок и Ницше» ранее констатировал, что доминирующий в лирике А. Блока образ-символ *стихии* ориентирован на идеи Ницше, у которого, однако, он ограничен значением «первобытно-единого» [11]. А. Блок расширяет его семантику до уровня «трансцендентной полифонии», охватывающей все области «мировых возможностей», включая и антропологическую. Для нас же в этом вопросе показательно, что в литературной критике А. Блока, в его письмах оценки творчества Вагнера сопровождались ссылками на эстетику Ницше, как, например, в статье «Рыцарь-монах» [4]. Их идеи комплексно осваивались А. Блоком в процессе формирования его эстетической аксиологии. Авторские модели антропной идентичности были ориентированы на разные идеологемы ницшеанского дискурса. В цикле А. Блока «Черная кровь» [3, с. 210–214] констатируем, например, фактор *дионисийского архетипа* в формировании *трансгрессивной модели антропной идентичности* и намеченный в лирическом сюжете путь его преодоления.

«Драматизм» образа Сверхчеловека, исторически мотивированного и интеллектуально осмысленного в разных форматах авторских дискурсов XIX — начала XX вв. (литературных и философских), констатировал Д. Мережковский: «Сверхчеловек — острая вершина великого горного кряжа европейской философии с ее вековыми корнями *возмутившейся, уединенной и обособленной личности*. Дальше некуда идти; исторический путь пройден; дальше обрыв и бездна, падение или полет — путь сверхисторический, религия» [10, с. 10].

Закономерно, что не менее популярной в литературном сознании поэтов Серебряного века оказалась модель антропной идентификации, символическим выражением которой стал образ-концепт *Богочеловека*. В. Е. Шелкопляс констатирует ее актуальность и в философском дискурсе эпохи: «...на пороге XX ст. русская православная философия предлагает идею Богочеловечества (В. С. Соловьёв, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, И. А. Ильин, В. В. Розанов, А. С. Хомяков и др.)» [16]. Этот перечень философов можно продолжить. Например, В. Н. Лосский утверждал: «Сотворение человека «по образу Бога» в контексте священного повествования Книги Бытия дает человеку господство над миром животным, аналогичное господству Бога над всей тварью» [9]. В. Соловьёв констатировал в человеке современной ему цивилизации «полное и последовательное отпадение человеческих сил от божественного начала, исключительное самоутверждение их, стремление на самих себе основать здание вселенской культуры» [13, с. 15], в контексте чего настаивал на *важности духовно-религиозного самосознания человека на пути преодоления его кризисных состояний*. Эти идеи получили широкий отклик в творчестве модернистов.

Именно В. Соловьёв связывал идею *Богочеловека* с трансгрессией *обретения внутренней полноты*, что коррелировало с концептами целостности человека в классической антропологии И. В. Киреевского, А. Хомякова и др. Качество «цельной личности», по мысли В. Соловьёва, достигается единством *духовного, душевного и телесного начала в ней*, нераздельностью духовного и материального бытия. Но само бытие человека и мира как возможное в стадии Богочеловечества рассматривалось с опорой на целый ряд концептов: Бога, Церкви, Софии, Любви. Этим декларировалась ориентация на христианские нравственные нормы. Такой путь, по мысли философа, предполагал преобразование не только личностного, но и национального самосознания и бытия в их достижении *соборности*, рассматриваемой как идеал духовного единства народа. С полным воплощением софийности мира многие символисты, вслед за В. Соловьёвым, связывали завершение его божественной устроенности, переход к «апокалиптическому синтезу» на основах «восхождения» человечества к эре Богочеловечества.

А. Белый, включаясь в начатую В. Соловьевым разработку антропологической проблематики, настаивал на необходимости «органического сочетания коллектива и личности, а не смешения того и другого» [2, с. 311] как условия продуктивной трансгрессии.

Антропологический проект В. Соловьева укоренен в его «теокосмогонии», особенности которой рассмотрены в работе П. П. Гайдено, где сделано заключение: «И хотя Соловьев стремился согласовать свое учение о Боге с христианской теологией, но в силу влияния гностических идей... ему не удалось избежать представления о развивающемся Боге и провести достаточно определенную грань между Богом и миром» [6, с. 88]. Такая граница больше интересует человека XX века, которого отличает прагматичность, практичность и определенная приземленность. Менталитет В. С. Соловьева (как и поэтов-модернистов) формировался в кризисной культурной ситуации, чем мотивировано стремление не столько провести грань между Богом и миром, сколько устранить ее, констатируя божественное начало в единстве макро- и микромиров как онтологический закон, ментально и экзистенциально спасительный для человека в поисках идентичности. Гностические идеи оказались актуальными в идейном становлении не только В. Соловьева, но и всех модернистов, на что уже обращено внимание [12]. Это было время новых религиозных доктрин, формирования новых подходов к самой идее Бога и Божественной природы мира. Показательно, что Д. С. Лихачев считал, что символисты вслед за В. Соловьевым обосновывали идеи «экзистенциальной метафизики», тем самым реабилитируя их концептуальный поиск в области человековедения как программу сущего.

Установки В. С. Соловьева находили отклик в литературном сознании всех модернистов. Наиболее последовательно его идеи воплощены в творчестве Александра Блока и Андрея Белого, называвших себя «соловьевцами». На принципе трансгрессии строились базовые концепты соловьевского дискурса. Ориентация на них в произведениях модернистов выражена на концептуально-тематическом, сюжетном и мотивно-образном уровнях вариативностью авторской экспликации концептов «Всеединства», «Вечно-женственного архетипа», «синтеза», «пути», «гармонии духа и плоти». Критические работы В. Соловьева,

как и его лирика, для адептов младосимволизма служили методологическим обоснованием развертывания авторских моделей макрокосмогоний и мира человека.

Но особенность символистской разработки концепта «человек» в том, что на разных этапах творчества и даже в рамках одного произведения писатели часто опирались на заданные парадигмы образов-символов *Человекобога* и *Богочеловека*, формируя, тем самым, *модель антропной идентичности как перманентную трансгрессию*. Это очевидно в лирике З. Гиппиус, А. Блока и других символистов, а затем Н. Гумилева и даже А. Ахматовой (например, в стихотворении «Уединение» 1914 г.).

Концепт *трансгрессия* стал базовым не только в модернистской гносеологии и онтологии, но и в антропологии, проявляясь перманентным «самопереходом и перетеканием пограничья» [14] человека в поисках своей идентичности.

### *Литература*

1. Бальмонт К. Д. Светлый час : Стихотворения и переводы из 50 кн. : в 2 т. / К. Д. Бальмонт ; [сост. авт. предисл. и коммент. В. Крейд]. — М. : Республика, 1992. — Т. 1. — 590 с.
2. Белый А. Пути культуры / А. Белый // Белый А. Символизм как миропонимание. — М. : Республика, 1994. — С. 308–311.
3. Блок А. А. Стихотворения и поэмы. 1907–1921 / А. А. Блок ; [сост. Вл. Орлов; примеч. Б. Аверин] // Блок А. А. Собр. соч. : в 6 т. — Л. : Худож. лит., 1980. — Т. 2. — 472 с.
4. Блок А. А. Рыцарь-монах. Очерки. Статьи. Речи. 1905–1921 гг. / А. А. Блок // Блок А. А. Собр. соч. : в 6-ти т. ; [сост. Вл. Орлов; примеч. Б. Аверин]. — Л. : Худож. лит., 1982. — Т. 4. — С. 160–168.
5. Брюсов В. Я. Стихотворения. Лирические поэмы [Электронный ресурс] / В. Я. Брюсов. — М. : Москов. рабочий, 1979. — Режим доступа к ист. : [http://az.lib.ru/b/brjusow\\_w\\_j/text\\_0040.shtml](http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_0040.shtml)
6. Гайденко П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века / П. П. Гайденко. — М. : Прогресс-Традиция, 2001. — 472 с.
7. Гиппиус З. Н. Стихотворения / З. Н. Гиппиус ; вст. ст., сост., подг. текста и примеч. А. В. Лаврова. — СПб. : Академ. проект, 1999. — 592 с.
8. Ильев С. П. Куликовская битва как «символическое событие» (цикл «На поле Куликовом» Блока и роман «Петербург» Андрея Белого) / С. П. Ильев // Александр Блок. Исследования и материалы. — Л. : Наука, 1991. — С. 22–40.
9. Лосский В. Н. По образу и подобию [Электронный ресурс] / В. Н. Лосский. — М. : Изд. Свято-Владимирского Братства, 1995. —